

Евгений Маляр

Дело о клеймах

Детективная повесть начала XX века

Евгений Маляр

**Дело о клеймах. Детективная
повесть начала XX века**

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Маляр Е. А.

Дело о клеймах. Детективная повесть начала XX века /
Е. А. Маляр — «ЛитРес: Самиздат», 2014

В четвертой повести детективной серии Николай Ордынцев волею судьбы попадает в Одессу. События разворачиваются в период французский интервенции. Убит ювелир, похищены большие ценности. Время беспокойное – в городе действует свое правительство, свирепствуют бандиты, а подпольные ячейки социал-демократов, в том числе Интернациональная коллегия, почти открыто проводят агитацию в среде французских военных. Некоторыми действующими лицами повести являются реальные исторические прототипы.

Список действующих лиц:

Ордынцев Николай Арефьевич – бывший надворный советник, а ныне штабс-капитан, мужчина сорока лет;

Роза Ордынцева, в девичестве Штрамбуль – жена Ордынцева;

Иван Ордынцев – сын Николая Арефьевича, ему пятнадцать лет;

Анастасия, она же Настя Триандафилова, она же товарищ Нарыжная, она же Беатрис Дюрен – член большевистской иностранной коллегии, беглая дочь купца, теперь подпольщица, по-прежнему очень красива;

Василий Буров – старший следователь уголовной полиции города Одессы;

Владимир Стоев – сотрудник уголовной полиции города Одессы, болгарин по национальности;

Генрих Баум – сотрудник уголовной полиции города Одессы, немец;

Юткевич Аркадий Иосифович – ювелир, 54 года;

Юткевич Анна Давыдовна – его жена, 33 года;

Юткевич Роман Любомирович – их племянник, 27 лет;

Старенькая Марфа Тимофеевна – служанка Юткевичей, 59 лет;

Ефим Чичельницкий – уголовник, бывший некоторое время большевиком и чекистом. Счастья ему это не принесло;

Бразовская Софья Ефимовна – ей 24 года, она – женщина легкого поведения, но с солидной клиентурой;

Петр Иванович – министр юстиции Одессы;

Соломон Маркович – судебный медик одесской полиции;

Степан и Остап – консьержи дома Рудь, почти одинаковые;

Израиль Зельтцер – хозяин ювелирной мастерской. Не Картье, конечно, но все же...

Неизвестный железнодорожник;

Жандармы одесской полиции.

Прочие жители Одессы по состоянию на 1919 год, французские интервенты, деникинцы, бандиты, гайдамаки атаманов Григорьева и Грекова, и представители всевозможных вооруженных формирований того тревожного времени.

I

10 января 1919 года. Снова в Одессе

Сходящих по трапу парохода «Новороссия» Российского Общества Пароходства и Торговли Одесса встречала пронизывающим ветром. Темно-серая вода, зажата между бортом судна и причальной стенкой, бунтовала, пенилась, брызгала фонтанами, силясь вырваться на волю.

Николай Арефьевич поднял воротник шинели. Ему было зябко, зимние шторма изматывали вестибулярный аппарат, ничего не хотелось, ни есть, ни пить, только добраться бы до какого-то устойчивого места, где тепло, мягко, и не качает. Но это еще надо добраться. Сейчас четыре утра. Где бы убить время до девяти, когда откроют гимназию?

Ордынцев вышел за ворота порта на Таможенной площади и свернул вправо. Возле кирпичного здания железнодорожной станции «Одесса-порт» его окликнули: «Господин офицер! Не найдется ли бумажки закурить, а то табачку нет?»

Он повернулся, держа руку на расстегнутой кобуре. На пароходе ходили слухи о чудовищном разгуле преступности в городе, переполненном бандитами из всех уголков империи, и для себя Николай решил, что будет готов решительно ко всему. Но стрелять не пришлось – на ступеньках стоял железнодорожник в форменном картузе, безоружный, и видно, что слегка навеселе, может еще со вчерашнего.

«Не менжуйся, заходи, штабс-капитан, покурим, чаю морковного попьем. С парохода, что ли?» – пригласил путеец.

– Да зайду, пожалуй, доброго Вам утречка, – решил принять приглашение Николай. Папиросы у него были. Все еще настороженно он заглянул в дверь, и, убедившись, что больше никого нет, вошел.

Примостившись у «буржуйки» и попивая жидкий желтоватый напиток, главным достоинством которого была его довольно высокая температура. Борясь со сном, Ордынцев слушал последние городские известия:

о городском диктаторе генерале Гришине-Алмазове, последнее время сильно потеснившем бандитов, а то совсем распоясались, а, впрочем, и сейчас вот офицеру по городу ходить не стоит, запросто могут хвоста заломить.

О французах, от которых толку – кот наплакал.

Об атамане Григорьеве, который храбрился-храбрился, да выбросили его из города алмазовцы почти без потерь.

О подпольных и почти официальных борделях с малолетками и педерастами, с которыми борись, не борись...

Спать хотелось очень, но Ордынцев знал о случаях, когда резали сонных, и даже не одинок, как он, а целыми взводами и ротами...

Так, в беседе, прошло часа три, хотя диалогом назвать это было тяжело. Говорил больше путеец, звали его Гришей, они успели познакомиться, а Николай больше ограничивался короткими вопросами, направляя разговор в интересные для него направления.

Когда стало светать, железнодорожник и сам стал клевать носом. Его смена кончалась, и он тоже радовался, что почти треть ее прошло не в обычной скуке, а в разговоре с интеллигентным человеком.

Оставив гостеприимному Грише полпачки «Дуката», Ордынцев распрощался и, чувствуя себя отдохнувшим и бодрым, устремился к Гигантской лестнице, чтобы подняться по ней в самый центр Одессы. Не спеша пройдя по улицам, предъявляя удостоверение постам сперва французских, а потом и деникинских войск, Николай дошел до Соборной площади, затем по Гулевой достиг, наконец, Марининской гимназии.

На его вопрос о записке от Розы, вахтерша, приподняв очки, удивленно ответила:

– И зачем вам та записка? Она сейчас сама будет!

И действительно, вот она, учительница старших классов Розалия Марковна собственной персоной уже мчится к нему, вне себя от радости и не веря собственным глазам.

Из сбивчивых речей Коля понял, что ждали его родные с нетерпением, и, вот, наконец, дождались. Вырвавшись из мужниных объятий, Роза побежала к директрисе отпрашиваться в честь такого знаменательного события. Потом уже вместе пошли за Ванькой в мужскую гимназию, что на Успенской угол Александровского проспекта, и уже вдвоем – на квартиру, в квартале, на Успенской.

Долго говорили за столом о своих дорожных приключениях. Оказалось, что маршрут их совпадал почти до мелочей: Ростов, потом Новороссийск и пароходом до Одессы.

Розу неожиданно хорошо встретили в гимназии. Очевидно, события последних лет сильно смягчили нравы, и отношение к бывшему грехопадению на фоне творящихся сейчас безобразий стало более терпимым.

Сын тоже был удачно устроен учиться, буквально в двух шагах от снятой небольшой квартирки, которой хозяйственная Роза успела придать уют при довольно скромных средствах. Так что, успокоенный и сытый, Николай прилег отдохнуть, а когда проснулся, уже стемнело, так что вставать смысла не было.

II

11 января 1919 года. Начало работы. Обратно убийство

Зато утром, отдохнувший и бодрый, он отправился по месту своего назначения, в министерство юстиции Одессы. Такое громкое название объяснялось автономным положением города, отрезанного и удаленного от Особого совещания, то есть правительства Деникина, а стало быть, невозможностью своевременно знать в Екатеринодаре о том, что делается в Одессе.

Над городом все-таки был поднят трехцветный флаг, а это обязывало вести дела на официальном уровне. Министр, полный пожилой человек в мундире статского советника юстиции, встретил седоватого штабс-капитана приветливо, пригласил сесть.

– Чем же Вы, любезный Николай Арефьевич, собираетесь у нас заниматься? – поинтересовался он.

– Да чем прикажете, уважаемый Петр Иванович! Вам виднее, я вообще-то служил старшим следователем по досудебному разбирательству. Знаете ли, сбор улик, доказательств...

– Да... С этим у нас как раз напряженная ситуация. Но не в том смысле, что не хватает улик, а с их полной ненужностью. Вы слышали что-то о том, что у нас тут происходит?

– Ну, кое-что уже успел узнать, хотя прибыл лишь вчера.

– Так вот, наш диктатор, генерал Алексей Николаевич Гришин-Алмазов борется с преступностью сколь же решительно, столь и незаурядными средствами.

Приведу пример: он ввел в пригороды, туда, где традиционно располагаются «малины», на Бугаевку, Пересыпь, Вторую Заставу, войска с броневидами, и просто уютит их, уничтожая дома и расстреливая всех подозрительных без разбору. Существует приказ, предписывающий не арестовывать бандитов, а уничтожить их на месте.

Разумеется, им создана разветвленная сеть осведомителей, внедряемых в банды, а тех, кому все же повезло остаться живым, в контрразведке так пытаются, что мало им не кажется, и рассказывают все, что знают и не знают. И обратно сначала...

А еще есть личная охрана у Алмазова, набрал он ее из татар, починаются Бекирбеку Масламе, Маслову, как мы его называем, тоже татарину. Вот это – Малюта Скуратов! Так они поклялись на Коране защищать генерала, и слово свое держат, он им только мигнет... Даже термин такой появился – «бессудные приговоры».

И вот что я Вам скажу, молодой человек. Как юрист и правовед, я должен был бы возмущаться таким произволом. Но, пережив в Одессе несколько месяцев при более мягкой власти, которая еще и менялась, такие действия я приветствую! Вы себе только представьте, у нас были пираты! Грабили и на воде тоже!

То, что обложили бандиты налогом всех состоятельных господ, это еще полбеды. Начали грабить офицеров, подстерегая их при выходе из ресторанов, театров и кабаре! А наркотики, а казино, а публичные дома с самым скотским развратом, который только можно себе представить! И вот результат, берите и читайте! Открытое письмо Винницкого, он же Мишка – Японец, – министр протянул Ордынцеву лист бумаги. Тот прочел:

«...За что вы нас бьете?.. За что сжигаете адским огнем еще на этом свете? За что расстреливаете необрезанных младенцев? Вы убиваете всех: и русских, и украинцев, и татар, и евреев, и цыган, и молдаван, и мадьяр, и греков – за что, спрашиваю вас я? Мы же не большевики, не германцы и не петлюровцы. Мы – не враги вам. Мы – уголовные. Ради Господа Святого, всё видящего с небес, ради вашего Христа-Спасителя, оставьте нас, пожалуйста, в покое! Мы не будем воевать, мы хотим просто жить, Бога ради!..»

– Видите? В Одессе это называется «запросился»! – Министр улыбнулся, – никогда такого раньше не было. Значит, правильно Алмазов действует!

– Да, вижу. А мне-то что делать? Я в нукеры к господину генералу не гоюсь, мне бы чего попроще...

Ордынцев растерянно поднял глаза от письма.

И тут, по всем законам жанра, вошел самый нужный в этой ситуации персонаж. Хотя нет, сперва вошел секретарь, и тихо доложил о чем-то министру, склонившись к его уху.

– Проси! – последовало указание.

Открылась дверь, и в комнату, громко чеканя шаг, вошел еще один офицер.

– Старший следователь Буров, ваше высокоблагородие! – громовым голосом доложил он. Ордынцев решил пока не оборачиваться, чтобы сделать другу сюрприз.

– А вот и работа Вам, Николай Арефьевич! – нарушил его план министр. Пришлось встать, обернуться.

– Ити ж твою! Колька! – Буров схватил Ордынцева в охапку, – Вот так встреча! Какими судьбами?

– Вася! Да вот, я подумал, и решил принять твоё предложение, поработать в Одессе! – невозмутимо отвечал Николай.

– И хорошо подумал! А? Восемь лет думал! – Буров повернулся к министру с извиняющимся жестом, – мы с Ордынцевым знакомцы давние...

– Ну что ж, господа офицеры, не буду Вас задерживать дольше, чем нужно. Вы, собственно, господин Буров, по какому делу на прием пришли? – министр был доволен, что все так само собой устроилось.

– Я со сводкой за истекшие сутки, господин министр! – перешел на официальный тон старший следователь.

– Докладывайте! А Вы, Ордынцев, можете остаться. Даже, я бы сказал, Вам нужно остаться, – министр указал на два стула, приглашая офицеров садиться.

– Грабеж на Старосенной, взяли двадцать пять рублей и золотые серьги... Кража на Базарной, похищены продукты со склада, полпуда американского шоколада «Миньон», два куля муки ситной, две головы сахара... Улица Бугаевская – налет на крестьянскую каруцу, везли продавать посвины... – скороговоркой стал зачитывать Буров.

– Да Вы, Буров, на мелочах не останавливайтесь, – попросил министр, – что-то серьезное было? А то сами знаете, полсвины уже съедены, а шоколад с сахаром давно в розничной торговле, и концов с нашими нынешними возможностями не сыскать...

– Так, вот, извольте, – не мелочь, – в доме Рудь на Кузнечной 42 тройное убийство. Жертвы: ювелир Юткевич Аркадий Иосифович, 54 года, его жена Анна Давыдовна, 33 года, служанка Старенькая Марфа Тимофеевна, 59 лет.

Взято, по словам племянника убитого, ценностей тысяч на пятьдесят. Придя домой вечером, он застал жуткую картину: служанка заколота, дядя удушен, его жена мертва, лежит себе в постели со сломанной шеей. Тут же вызвал полицию.

Василий отложил в сторону папку с докладом.

– Сейчас на месте Баум, разбирается, протоколирует. Стоянов – на Базарной, на Старосенной был уже. Да, знаю, там концов не сыщешь, так ведь все равно протоколы составить надо, а вдруг все же выплывет что-то... Людей очень не хватает.

– Вот тебе новый сотрудник, работайте. Не смею задерживать, – министр поднялся, – а я на доклад к его превосходительству, прошу извинить.

Буров с Ордынцевым вышли из министерства.

– Ну что, Коля, сразу на происшествие, или к нам сперва? – хотел проявить гостеприимство Василий,

– Спасибо, Вася, но лучше сразу делом займемся. Там Генрих отдувается один, давай ему поможем. А потом я мигом в управу, оформимся, сегодня успеем, я думаю.

На пролетке приехали на Кузнечную. Большой красивый пятиэтажный дом, совсем новый. На фасаде табличка: «Архитектор Ф.Е. Кюннер, Построен в 1910 г.» В парадной – консьерж, статный дядька в возрасте за пятьдесят, в ливрее. Остатки роскоши, обломки империи. Живут, значит, в этом доме состоятельные люди.

На втором этаже двери в правую квартиру открыты, стоит жандарм у входа. Вошли – тут и Генрих, беседует с другим вахтером, тот тоже в ливрее.

Увидев Ордынцева, Баум только рукам развел, изобразив физиономией нечто вроде религиозного экстаза: дескать, видал чудеса, но такого... Но допрос все же закончил, и, только отпустив консьержа, похожего на первого, как брат-близнец, полез к Кольке обниматься.

– Ух, и рад же я! – хлопая Ордынцева по спине, и всем прочим частям тела, совсем не по-тевтонски выражал свой восторг Баум, – в гости, или?

– Что-то наподобие, только я уже работаю вот у этого начальника, – Николай большим пальцем через плечо показал на Бурова, который уже внимательно осматривал замок входной двери на предмет выяснения, чем тот был открыт, отмычкой или ключом.

– Ну и славно. Давайте пройдем в гостиную, я расскажу, что тут нарыл.

Генрих закурил трубку и начал доклад, заглядывая в блокнот:

– Итак, господа офицеры, ситуация такая. Вечером консьерж пропустил:

Первую – мадам Софию, с третьего этажа. Она вышла из дому после полудня, прошлась по модным магазинам, каким-то еще делам, и вернулась домой к четырем.

Второго – господина Фуксмана, биржевого маклера, тот вернулся около шести. Он живет на пятом этаже.

Третьего – Цыплякова, жучка с ипподрома, где-то около полседьмого. Он тоже с пятого.

В семь пришли домой супруги Алигораки, живут на первом этаже. Они были в синематографе. Это – четыре и пять.

Через четверть часа пришли двое молодых людей, сказали, что к мадам Софии. Один – французский офицер, по описанию погон и петлиц – лейтенант, другого консьерж толком не запомнил, оба чернявые, с усиками, это шесть и семь.

Последним, восьмым, пришел старик Арбузов, служит в городском архиве, после работы по обыкновению ходил выпить водки в подвальчик на Преображенской.

Квартиры 2, 4, 6, 7 и 8 пустуют, время, знаете ли, тяжелое, такие квартиры не всем по карману.

Теперь о вышедших. Их всего два: французский лейтенант, он ушел через час после прихода, и его спутник, тот покинул здание еще часа через полтора. То есть, в четверть девятого и начало десятого соответственно.

Первый, военный, вышел молча, кивнул только. Второй, штатский, уходил в крайне добром расположении духа, сказал «мерси» и дал трояк на чай. Национальная принадлежность его не установлена, «мерсикать» у нас любой умеет, а более он ничего не говорил.

К полуночи домой вернулся племянник убитого, Юшкевич Роман Любомирович, двадцати семи лет, живший с покойным дядей в одной квартире. Увидел мертвецов, поднял панику, а соседи вызвали полицию.

Генрих понизил голос:

– Мое личное мнение, не для протоколов, – редкая бестолочь, бездельник и пьяница. Сразу запаниковал, кричал, как будто это его режут. Он и сейчас вон, лежит, как барышня с мигренью, на кровати, не в себе. Я его пытался допросить, да где уж там... Вот пока и все, что успел узнать.

– Спасибо, Генрих, молодца, – Буров на миг задумался, – значит так, сдавай свои протоколы Николаю, он будет это дело крутить. У тебя и так хватает, – вон на Косвенной двойное убийство, и Спиридоновская еще... Николай, ты тут пошуруй, а к пяти жду тебя в управе. Все, не прощаюсь!

И старые друзья оставили Ордынцева на месте преступления одного, если не считать городского у дверей.

С чего начать? Давай-ка я поговорю еще разок с консьержем, – сам себе сказал Николай, – Генрих все толково расспросил, а у меня еще вопросы имеются...

Тот стоял на своем посту, выражая всем своим видом служебное рвение, и, одновременно, полное непонимание того, как могло случиться такое несчастье.

– Послушайте, любезный, Вы что же, вот так запросто всех пускаете в дом? – как можно мягче, стараясь не испугать привратника, поинтересовался у него Николай.

– Дык как же, ваше благородие – ясно не всех. Которые рвань, или там террористы-бомбисты, так тех – никак не можно пускать!

Голос бравого охранника демонстрировал его решимость защитить обитателей дома всеми доступными ему мерами.

– Ну, с рванью понятно. А как Вы отличите террориста-бомбиста? – опять очень деликатно спросил Ордынцев.

– А как-как? А бонба у них! – не моргнув глазом, отвечал консьерж.

– Та-а-ак... Ясно. А скажи, как зовут тебя?

– Степан я, Тимофеев.

– Так вот, Степан Тимофеев, скажи: вот уходили два человека, офицер-француз, и штатский, может наш, а может тоже иностранец, так в руках у них ничего не было?

Николаю вдруг пришла в голову мысль, что, если, как утверждает племянник Юшкевича, Роман, украдено золота на пятьдесят тысяч, то по нынешнему курсу это будет килограмм двадцать, не менее. Даже если и приврал немного Рома, то все равно под одеждой не унести.

– Никак нет-с, не было в руках ничего. Я нижнюю часть их туловища хорошо помню, у француза-то кортик болтался, а тот в пальте, перчатках, – Степан понял, что что-то не так сказал, – Ну, вообще-то я и верхнюю часть туловища немного видел...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.